

Ю.М.Ершов,

Томский государственный университет

ЛОКАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА VERSUS СТОЛИЧНАЯ: О ФЕНОМЕНЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В МЕДИАСФЕРЕ

Коммуникации — и межличностные, и массовые — бывают затруднены непониманием того, с кем имеешь дело. Так же, как у нас в языковом обиходе случаются конфузы в обращениях к собеседникам (гражданин? товарищ? господин?), связанные с проблемой идентификации, существуют сложности в определении типов прессы, которые обусловлены так же слабостью или полным отсутствием механизмов самоопределения. Провинциальная пресса в нашей стране себя таковой не считает и предпочитает более туманное самоназвание «региональная» или несколько более ясное и необидное прозвище «местная».

Так уж складывалось веками, что у слова «провинциальный» усматривается уничижительный оттенок, и оно вроде бы указывает на ограниченность интересов и узость кругозора. Когда какого-то понятия начинают стыдиться и избегают его называть, само обозначаемое явление от этого, конечно, никуда не исчезает. Надо разобраться, чем провинция отличается от региона и есть ли у провинциальной прессы конкурентные отличия перед журналистикой местной? Дает ли феноменологический анализ провинциальности сколь-нибудь глубокое понимание локальной журналистики в ее разных типах?

Научная проблема, которую мы ставим применительно к пространственной характеристике медиасферы, — это проблема территориальной идентичности, журналистских способов территориальной идентификации и маркеров локализации в медиаконтенте. Кто мы, живущие вдали от Москвы: регионалы, провинциалы, чалдоны, сибиряки, томичи, россияне? Как нас обозначают в журналистских текстах и как мы сами воспринимаем себя в привязке к локусу? Проблематика эта связана и с особенностями национальной идентичности российской журналистики, которые исследовались автором в последние годы¹. Объем данной статьи позволяет только наметить основные направления анализа для продолжающихся исследований медиaprостранств, и сам материал может рассматриваться как заявка на изучение провинциальности профессионального сознания журналистов.

В нашем понимании провинция — территориальные подразделения центральной власти в государстве, образованные вследствие господствующей модели

пространственного расселения людей. Заметим, что такая модель расселения утвердилась с эпохи Римской империи и несет на себе отпечаток имперского сознания. Провинцию можно определить как любое пространство, отходящее (отдаленное) от административного, политического, экономического и культурного центров. Административно-политическому центру важно ощущать циклическую смену центробежных сил в провинциях на центростремительные, поскольку на территориях разнонаправленные процессы всегда идут одновременно. В экономическом плане Центр должен обеспечить многополярность (центров должно быть несколько) и рассредоточить ресурсы на всех территориях. Экономически невыгодно все возить через столицу. Для легитимности центральной власти важно сглаживать неравенство провинций.

Для феноменологического анализа особое значение имеет культурное измерение провинции. Культурные образцы и новшества доходят до провинции долго и через множество посредников. В столице государства ловят общемировые тренды и адаптируют моду к национальным особенностям. Затем артефакты поступают в региональные центры, где их приспособливают к местной специфике, а социокультурная структура провинции весьма устойчива. На следующей ступени социально-статусной вертикали культурные ценности транслируются городам областного или краевого подчинения. И уж потом идут по всем городам и весям... Динамические заряды рассеиваются на пути из Центра в локальные миры, а сам артефакт, оставаясь внешне похож на культурный образец, закономерно теряет нечто от своей инновационной сути. Феномен провинциальности в некотором отношении является способом запоздалого и дозированного восприятия культурных ценностей. В провинции люди неизбежно отстают от мировых и столичных веяний, удерживая только те значения и смыслы, которые лишены элементов оригинальности и потому в этой среде могут быть со временем приняты.

Национальная медиасистема строится по образцу системы политической и принимает форму иерархичной вертикали, если власть в государстве жестко централизована. Как периодическая печать, так и радио, и ТВ в нашей стране строились поэтапно из Центра до

окраин как система социального регулирования и мобилизации масс. Хотя со временем появились нетипичные феномены в медиасфере (негосударственная печать, например, или региональные телесети), порождающая модель или матрица журналистики остается прежней уже на протяжении многих десятилетий. Это централизованная система массовых коммуникаций, управляемая из Москвы и подотчетная столичным учреждениям власти. И даже появление телевизионных сетей СТС, ТНТ и других, чей бизнес строится по американской модели, не выбивается из названной матрицы. Сетевые партнеры в провинциях полностью зависимы от московских бизнес-структур, как ГТРК подчинены ВГТРК. Коммерческая модель журналистики с первой половины 1990-х стала укореняться в государственной матрице, не меняя дизайна отношений между экспансорами и аффилиатами, не меняя и саму медиасистему страны.

Итак, в профессиональном сознании журналистов укоренилась ментальная дихотомия «Центр» — «Провинция», которая влияет на образ мыслей и стиль журналистской деятельности. Ты или столичный или провинциальный журналист — третьего не дано. Столичность в профессиональной сфере уважается и оплачивается выше, но лучшие из провинциалов, если будут стараться, имеют шанс попасть в столичную редакцию. Провинциальность и столичность — разные типы сознания. Если Москва не помнит никакой периферии и провинция ей неинтересна, не нужна, пугает ее своей тьмой, то окраины о столице ни на минуту не могут забыть и все время сравнивают свои произведения с этими «столичными штучками». Отсюда и самоназвания «Северная Пальмира», «Сибирские Афины», «Культурная столица России». Но стать второй или третьей или хотя бы какой-нибудь столицей провинции не суждено, отчего в сознании провинциалов образуется комплекс второсортности, или провинциализм.

Провинциализму свойственны поведенческие девиации: территориальная ксенофобия или агрессивность по отношению чужакам. Если провинциальность — это чужаковатость и старомодность вполне простительная, поправимая и даже, может быть, симпатичная, то провинциализм — осознанное стремление жителя глубинки возместить недостатки своего местожительства завышенными амбициями и задиристостью. Агрессия и другие поведенческие реакции провинциализма исследованы в художественной литературе и в искусстве вообще². Для нас важно подчеркнуть, что в провинции распространен противоположный столичному тип сознания, который поддерживается региональной культурой и местной медиасредой. Это постоянные апелляции к столице и непрестанный спор с соседями о близости (в каком-то отношении) к Центру. Именно близость к Центру становится главным конкурентным отличием той или иной территории в провинции.

Наиболее очевидным признаком провинциального является подчиненное по иерархии положение

по отношению к столице, которая по праву Центра и власти контролирует положение дел на местах. Для провинции характерна суженность и географическое, и культурного, и информационного пространства; известная обделенность в выборе благ цивилизации. Положив информационную шкалу на карту страны, заметим, что провинция скудно информирована. В провинции всегда чего-то не хватает. Появился, к примеру, цирк, но нет театра оперы и балета, начали выпускать «Вечёрку», но не провели и не собирались пускать метро. Ограниченность выбора и в особенности бедность информационного меню это родовое свойство провинциальных миров. Это замечается некоторыми региональными лидерами. В Томске в 2012 году появился новый губернатор, который достаточно долгое время прожил в Краснодаре и имеет свое представление о шкале «столичности-провинциальности». На встрече с журналистами С.А. Жвачкин заявил: «Измениться Томск должен не только внутренне, но и внешне... необходимо запретить застройку исторического центра Томска и больше думать о благоустройстве. Если мы не хотим скатиться к провинциальному городу, то этим надо заниматься...»³.

Действительно, для любого патриота Томска наш университетский город в чем-то столичный, бывший почти два века центром огромной губернии и не замечающий за собой провинциальности. Но если попросить столичного жителя, заехавшего в провинцию, охарактеризовать местную прессу и, к примеру, региональное телевидение, то мы услышим весьма нелестные характеристики, с которыми и спорить порой не приходится. Газеты в массе своей остались на уровне советской полиграфии и старорежимного дизайна, так же восхваляют местное начальство и остерегаются критики правящей партии. Телепередачи многословны и скучны. Новости малоинформативны. Заметно отсутствие динамики в смене планов, бедный видеоряд, редкое использование архивных кадров и видеографики, отсутствие режиссуры. Ведущие телепередач неважно одеты, плохо причесаны и тускло освещены, декорации в студии примитивны. — У вас там в местных редакциях совсем что ли денег нет? Почему так все непрофессионально и убого? Названные проблемы отмечает известный тележурналист из Нижнего Новгорода Нина Зверева⁴, подчеркивая, что большая их часть обусловлена недостаточной квалификацией сотрудников, отсутствием мотивации к учебе или переподготовке, неадекватной заработной платой и устаревшими технологиями, включая и отсталые управленческие технологии.

Столичное сознание сравнивает московский уровень с провинциальным, ужасаясь катастрофическому разрыву. В столице столько конкурирующих между собой операторов платного кабельного и спутникового ТВ, что эфирное вещание уже мало кого из москвичей интересует. Об этом, в частности, говорит президент Ассоциации кабельного телевидения России Юрий Припачкин: «Я обычно каждый год, когда проходят

«круглые столы», спрашиваю: «Ну что, сколько людей в зале осталось, которые принимают эфирный сигнал?». В прошлый раз осталось, наверное, человек пять»⁵. То есть Москва в своем медийном развитии ушла на десятилетие вперед, а российская провинция ломает голову, как ей обустроить хотя бы один региональный телеканал и обеспечить доступ к цифровому контенту большинству своих земляков.

Действительно, качество жизни, платежеспособный спрос и благосостояние граждан определяет «продвинутость» или отсталость территории по отношению к тем или иным центрам. Но кроме экономических основ для сравнения есть основы культурные, исторические и житейские. Флоренция никогда, наверное, не чувствовала себя ущемленной в сравнении с Римом, а Барселона по многим статьям превосходит Мадрид. Жизнь в нестоличном городе имеет свои преимущества, которые так очевидны, что не стоит даже их перечислять. Здесь все идет неспешно и размеренно, люди часто встречаются друг с другом и могут побеседовать за рюмочкой домашнего вина. В культурном ландшафте выделяется образ места, в котором природная среда сочетается с рукотворными памятниками и ментальностью местных жителей. Провинциальная пресса как раз и призвана сломать стереотипы социальной идентификации и показать, что нам тут в регионах есть что ценить и есть чем гордиться. Провинциализм прорывается тогда, когда нет гордости за родной край, но есть неуверенность в себе. Речь, разумеется, идет не о квасном патриотизме, а о позиционировании своей территории по отношению к соседям и Центру. Кто мы есть, в чем наша самобытность?

Территориальная идентичность долгое время оставалась вне поля зрения исследователей журналистики, которые подходили к местной прессе статично, вне диалектической связи с центральными изданиями и федеральными телеканалами. Между тем местный, провинциальный и региональный — это все подвижные шкалы оценочных суждений в связи со сравниваемыми объектами. Как считает немецкий ученый И. Нойманн: «...идентичность — это не данность, а отношение, постоянно формируемое и реформируемое в рамках определенного дискурса»⁶. Работая в Москве на федеральном телеканале или в редакции общероссийской газеты, можно быть глубоко провинциальным в журналистском отображении действительности. В последние годы у многих людей возникает ощущение, что наша страна отказалась от модернизации, идет вспять — к прошлым идеалам и вчерашним образцам, к дремучей архаике. Из мировой державы мы превратились в государство регионального значения, а провинциализм стал у нас чуть ли не официальной доктриной в политике.

Применительно к прессе регионов надо осознавать на научном уровне формируемые территориальные и социальные идентичности, анализировать типы медийного сознания. Провинциальное не является ярлыком или ругательством, если воспринимать провинцию

не как подчиненное, ущербное или второстепенное пространство, а как самостоятельное и развивающееся в русле региональных интересов. Системообразующий изъян нашей провинции: она может быть бедной или богатой, но никак не научится быть самодостаточной. Из несамостоятельности политической исходит и несамостоятельность информационного пространства провинции. Оно порождено информационными потоками центра и живет «региональными окнами» в федеральном эфире.

В информационную повестку страны регионы попадают тогда, когда у них случается катастрофа. Регионы не порождают собственной повестки дня даже в своем информационном пространстве. Глядя из Москвы, трудно себе представить, что, скажем, в Чувашии или в Иркутской области тоже что-то постоянно происходит: пока регион медийно не «высвечен», его вроде бы и не существует. Из столицы многие города неотличимы. Омск и Томск расходятся одной только буквой, но в сознании многих министерских чиновников, наверное, и не отличаются вовсе. Являясь периферией для Москвы, Томск и Омск выступают центрами для больших территорий, которые тяготеют экономически и культурно к своим региональным столицам.

Региональные столицы могут относиться к подчиненным пространствам как колонизаторы, но могут и как старшие братья. Главное, чтобы Центр — федеральный или региональный — позаботился о качественной отдаче культурных ценностей. Лучшее из локальных миров должно поступать в Центр и превращаться из провинциальных произведений в общенациональные. Только так можно затормозить поток сериалов и шоу, который через телевизионные сети поступает в провинцию, не обогащая массы интеллектом. Заметим, что этот поток имеет односторонний характер и выглядит как насаждение Центром суррогатных образцов культуры в провинции. Если самобытная и осознающая себя провинция еще существует, она должна преодолеть свою разобщенность и противостоять централизации медиасферы и культурного пространства.

В осознании населением провинции своего места в меняющихся условиях жизни важно избегать крайностей. Одной крайностью является понимание провинции как темной фронды для инновационной и модернизаторской столицы. Другая крайность — представление о провинции как об истинной самобытной России в противовес космополитичной и беспочвенной Москве. Не надо ни демонизировать, ни идеализировать провинцию. Сегодня под вопросом само ее существование как социального, а не географического пространства. Для провинции не привыкать терять молодые таланты, и по большому счету разницы нет — уезжает он искать счастья в Лондоне, в Москве или в Краснодаре. Но обезлюдение есть самая большая проблема периферийных пространств. Молодежь в любой части России должна чувствовать, что живет в открытой стране, где есть возможности для самовыражения и самореализации⁷. Решить проблемы качества жизни,

общей атмосферы в обществе, чтобы предотвратить отток молодежи и связанную более всего с этим деградацию российских окраин — это стратегическая задача политиков, ученых и журналистов.

¹ Ершов Ю.М. Особенности национальной идентичности телевидения в России // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 2(18). С. 120–129.

² Глеб Капустин, герой рассказа В.М. Шукшина «Срезал», специализируется на обличении московских псевдоинтеллектуалов, доказывая, что провинциалы, над ущербностью которых кандидат наук Журавлев с женой готовы посмеяться, ни в чем не уступят по части интеллекта, хоть и не отмечены учеными степенями.

³ Сто дней прошло. Сергей Жвачкин встретился с журналистами. 1 июля 2012 г. URL: http://www.vesti.tvtomsk.ru/news_week-20107.html

⁴ Зверева Н.В. Специфика профессиональной деятельности регионального тележурналиста. М., 2002. С. 46–49.

⁵ Припачкин Ю. Законодательство должно опережать формирование рынка // Broadcasting. Телевидение и радиовещание, № 6, 2010. URL: <http://www.broadcasting.ru/articles2/econandmen/zakonodatelstvo-doljno-operejat-formirovanie-rinka>

⁶ Neumann I.B. Russia as Central Europe's Constituting Other // East European Politics and Societies. 1993. Vol. 7. № 2.30. P. 349.

⁷ Как показал недавний опрос, проведенный специалистами портала для молодых специалистов Career.ru, 20% российских студентов (по сути, каждый пятый) после окончания учебы собираются искать себе работу за границей. URL: <http://svpressa.ru/society/article/58549/>

Жданова О.Н.,

Забайкальский государственный университет,

главный редактор телестудии «ООО Мастерская Силы Головатого» (г. Чита)

К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

СМИ, власть и общество стали заложниками сложившейся на медийном рынке довольно непростой ситуации, которую они сами же и создали. С одной стороны, СМИ упрекают в зависимости от власти, а с другой стороны, во многих случаях власть сама не в силах создать условия, при которых журналистам выгоднее было бы говорить правду. Там, где СМИ по идее должны быть свободны, они поставлены в такие условия, при которых не могут даже осветить событие, излагая только лишь фактологию. Зачастую они вынуждены интерпретировать факты согласно заданной концепции, поддерживающей интересы властных элит. С экранов телевизоров, на волнах радиоэфира, с газетных полос потребитель информации получает некий медийный продукт, который является скорее псевдоинформацией, чем удовлетворяет нужды в истинной информированности. Современная журналистика действует при создании информационных потоков по своему усмотрению, порой умышленно принижая значимость действительно важных для общества событий и нарочито раздувая новости второстепенного характера. Не случайно французский социолог Пьер Бурдьё назвал этот феномен «журналистскими очками»¹, отбор информации имеет субъективный подход, а значит, уже изначально такие новости не могут носить бесличностный, независимый характер и не должны быть опубликованы под статусом «чистая новость».

Действительно ли федеральные СМИ описывают Россию согласно некоему смысловому проекту? Известный российский социолог культуры и специалист в области телеконтента Даниил Дондурей отмечает, что сегодня специалисты, работающие в этой области, схожи во мнении, что в федеральном информационном пространстве представлена своего рода квази-Россия. Такая ситуация не уникальна. Публикации с мест в период СССР в центральных СМИ также не имели самостоятельного значения — они иллюстрировали лишь знаковые идеи момента. Подмечая эту общность, некоторые западные аналитики упрекают российские СМИ в предвзятости, но они забывают, что это как раз западная модель журналистики, привитая на российской почве. Федеральные СМИ, к сожалению, транслируют не некую идеологию страны, а определенные смыслы элиты. Федеральная журналистика не дает прямого ответа на вопросы «как?» и «куда?» развивается наша страна. «Власть не формулирует» — это всего лишь отговорка, ибо у журналистики есть свои приемы и способы распознать действительность. Но этого она как раз и не делает.

К сожалению, с глобальным переходом на цифровое вещание произошел крен в сторону технической составляющей, нежели в сторону содержательной информационной насыщенности телепродукции, которую сегодня в массовом количестве поставляют в эфир